Я тебе не достанусь

Автор:
Ольга Иконникова

Я тебе не достанусь

Ольга Иконникова

Меня просватали за короля соседней страны, не спросив моего согласия. Говорят, он – настоящее чудовище, не знающее ни жалости, ни любви.Будущий муж ждет, что я смирюсь и стану ему покорной женой. Но я вовсе не намерена выходить за него замуж! И хорошо, что у меня есть кузина-бесприданница, готовая сыграть роль принцессы Эланы и поехать в Шеллар вместо меня. Бекки избежит бедности и участи старой девы, я же обрету свободу и возможность выйти замуж по любви.И всё идёт прекрасно ровно до тех пор, пока не наступает день свадьбы, и кузина, испугавшись, не сбегает из-под венца.И что теперь? Мне самой придется стать женой этого чудовища? Как бы не так! Я ему не достанусь!

Ольга Иконникова

Я тебе не достанусь

Пролог

Сначала ко мне прибежала Джульетт – молоденькая горничная моей кузины.

– Простите, мадемуазель, ее высочество не с вами? Ее разыскивает мадемуазель Пикард – карета вот-вот будет у крыльца, а принцесса не выходит из комнаты.

Потом и сама мадемуазель Пикард почтила меня своим присутствием – ее высокая худая фигура застыла на пороге моей спальни, а требовательный и по обыкновению осуждающий взгляд остановился на моем лице.

– Вы не видели ее высочество, мадемуазель Бланшар? Она сказала, что хочет несколько минут побыть одна, заперлась в своей комнате и теперь не отвечает. Я беспокоюсь – через час нам надлежит быть в церкви, а ее высочество еще не надела подвенечное платье.

Я уже тоже чувствовала легкую тревогу. Мне было понятно, почему Бекки в этот день пребывала в дурном настроении, но то, что она не захотела разделить его даже со мной, было странно.

– Если хотите, я схожу за ней. Уверена, уж мне-то она откроет.

Мадемуазель Пикард поджала и без того тонкие губы:

– Разумеется, мадемуазель! Отправляйтесь за ней немедленно!

В ее голосе как обычно было слышно недовольство. Она крайне редко находила для меня добрые слова, искренне полагая, что я ничуть их не заслуживаю. Бедная родственница, приживалка в доме щедрого дядюшки – вот кем она считала меня и относилась ко мне соответственно. Для нее я была недостаточно хорошо воспитана, недостаточно умна и недостаточно элегантна. Впрочем, наша нелюбовь была взаимной.

И настолько же, насколько она презирала меня, она обожала дочь своего нанимателя – вернее, ту, которую она таковой считала. Интересно, что сказала бы она, если бы узнала, что всё было совсем наоборот? Что та, манерами которой она так восхищалась, на самом деле – дочь бедного и неродовитого дворянина, а настоящая принцесса – это я!

Впрочем, она об этом никогда не узнает – как и никто другой. После венчания Ребекка под моим именем отправится на север, и мадемуазель Бланшар, так благородно вызвавшаяся ее сопровождать, уедет вместе с ней. А я останусь здесь, в доме моего отца, и пусть я не обрету своего подлинного имени, зато получу свободу.

Дверь комнаты Ребекки была заперта, но я не стала стучаться – у меня был свой ключ. Я проскользнула внутрь и снова щелкнула замком.

В отличие от моей спальни, эта комната была куда просторней и роскошней. Дорогие портьеры, картины в золоченых рамах и мягкие восточные ковры – у принцессы всё должно быть самым лучшим. Я невольно усмехнулась, вспомнив, с каким трудом Бекки привыкала к этой обстановке. Мы поменялись местами два года назад, и для всех, кто нас знал в столице, я была бедной Ребеккой Бланшар, а она, Бекки, – принцессой Эланой.

В простенке между окон на манекене из папье-маше висело белое платье – красивое, но пугающе-холодное. Мне показалось, оно соткано из снега, а рассыпанные по корсету бриллианты выглядели как кусочки льда. Не удивительно, что Ребекка до сих пор его не надела.

Оно было похоже на Шеллар – суровую северную страну, королевой которой надлежало стать принцессе Элане. Точнее, той, которая играла ее роль.

Я огляделась в поисках кузины. Да, комната была большой, но всё же спрятаться в ней было негде. На всякий случай, я заглянула за стоявшую у кровати ширму. Я заглянула бы и под кровать, но разум уже подсказывал – Бекки здесь нет! И от этой страшной мысли я почувствовала головокружение и тошноту.

И когда я увидела перо и листок бумаги на туалетном столике, я уже знала, что прочитаю в записке. Там была одна только фраза: «Прости, я не смогла!»

Я почти упала на кровать. Нет, слёз не было – как и ненависти к кузине. А вот обида была. За то, что Бекки не решилась довериться мне, не поделилась страхами и сомнениями. За то, что она приняла это решение только сейчас, когда уже ничего нельзя было изменить. И за то, что тогда, два года назад, она вообще на это согласилась.

Красавица и чудовище (два года назад)

– Подобное предложение – большая честь, ваше высочество, – прибывший в наш замок только сегодня герцог Дюран говорил достаточно громко, чтобы я могла

слышать каждое слово. – Породниться с правителем Шеллара мечтают монархи многих государств. Его величество надеялся, что вы оцените это по достоинству.

Я знала, что подслушивать нехорошо, но оправдала себя тем, что сделала это ненамеренно. Я всего лишь заснула в нашей огромной библиотеке (а кто бы не заснул, читая мемуары графа Леруа?), и весь мой проступок заключался лишь в том, что, когда я услышала голос отца, то не обозначила свое присутствие.

Ну а уж потом, когда мне стал понятен предмет их разговора, я вся обратилась в слух. Ведь речь шла обо мне!

– Не понимаю, ваша светлость, – я не видела папеньку, но не сомневалась, что он хмурился в этот момент, – как его величество вообще мог дать подобное обещание? И кому? Королю Шеллара! Этому чудовищу!

Шеллар находился далеко на севере и наводил ужас на своих соседей, а его короля Венсана Пятого не случайно называли Ледяным. Говорили, что его сердце не знает ни любви, ни жалости. А о том, как он выглядит, не знал никто – его величество давно уже не покидал пределов своей страны, а чужестранцев, что захотели бы посетить сам Шеллар, не находилось вовсе.

Поэтому поверить в то, что Венсан решил жениться на девушке из рода Агаларов, было решительно невозможно. Хотя, признаться, я была польщена – но, конечно, не настолько, чтобы на подобный брак согласиться. И была рада, что в этом отец был со мной солидарен.

– Ваше высочество, прошу вас, поверьте, у нашего короля не оставалось выбора! – воскликнул герцог Дюран. – Его величество охотился в Леварийском лесу и повстречал там птицу Сирин. Он устремился вслед за ней и не заметил, как пересек границу Шеллара.

Отец недоверчиво хмыкнул, и гость вздохнул:

– Да, возможно, он понял, что находится на чужой территории, но кто бы из нас поступил по-другому?

В этом он был прав. Птица Сирин так редко теперь показывалась людям, что вряд ли кто-то в здравом уме не последовал бы за ней куда угодно.

– Шелларцы окружили нас столь быстро, что нам не оставалось ничего другого, кроме как взывать к их милости. Венсан обвинил нас в вооруженном нападении, и его величеству ради своего освобождения пришлось согласиться на все условия, что тот выдвинул. Несколько обозов с продовольствием, сундук золотых монет и принцесса королевской крови, которая должна будет стать его женой. Конечно, если бы у его величества была своя дочь или незамужняя сестра, то он не стал бы просить вас, ваше высочество, о подобной услуге.

– Услуга? – прорычал отец и стукнул по столу с такой силой, что я вздрогнула. – Вы называете это всего лишь услугой? Говорят, королевский дворец Венсана в зимнее время покрывается льдом, а все шелларцы ходят в звериных шкурах и пьют звериную кровь. Они не считают женщин за людей и держат их взаперти. Неужели вы думаете, что я соглашусь отправить туда свою дочь?

Я осторожно выглянула из-за книжного шкафа. В той части комнаты, где я находилась, был полумрак, и я не боялась, что взрослые меня заметят. К тому же, они были так увлечены разговором, что не обратили бы внимания, даже если бы в библиотеку забежала свора собак.

Они сидели по разные стороны стола и буравили друг друга взглядами. Не знаю, почему, но в моем сердце не было страха. Раз отец сказал, что не даст согласия на этот брак, то так оно и будет.

Интересно, что скажет Ребекка, когда узнает, что меня пожелал взять в жены сам король Шеллара? Я даже хихикнула, представив выражение ее лица, но тут же прикрыла рот рукой. Мне было еще слишком рано выходить замуж.

Отец в эту секунду подумал о том же самом.

– Моей дочери только шестнадцать лет. Я не знаю, быть может, в Шелларе принято жениться на столь юных девицах…

Гость не дал ему договорить:

– О нет, ваше высочество, Венсан готов подождать до совершеннолетия принцессы.

Отец отхлебнул из стоявшего перед ним серебряного кубка.

– Но знает ли он, кого Астор пообещал ему в жены? Может быть, он ждет, что ему достанется дочь самого Астора?

– Нет-нет, ваше высочество, – замотал головой герцог, – Венсан знает, что у нашего короля только сын. Кандидатура принцессы Эланы его вполне удовлетворила.

– Ну, еще бы, – усмехнулся отец, – в моей дочери куда больше королевской крови, чем в самом Асторе.

Гость смущенно закашлялся, но не возразил. Вслух об этом говорить было не принято.

Отец Астора Первого стал королем пятьдесят лет назад – когда от короны отказался мой дед Кириан Третий. Дедушка пожертвовал троном и властью ради любви – мне это казалось ужасно романтичным, но отец относился к этому совсем по-другому. Он был уверен, что ни одна женщина на свете не стоила такой жертвы.

Дедушка тогда влюбился в графскую дочь – подобное происхождение невесты было слишком низким для будущей королевы, и государственный совет не дал разрешения на этот брак. Дед был оскорблен до глубины души и отрекся от власти, предпочтя ей союз с любимой женщиной. Он получил титул принца Агаларского и с тех пор старался не бывать в столице. Однажды, еще в детстве, я спросила его, не сожалел ли он о своем поступке, и он ответил, не задумываясь: «Ни секунды!» Я никогда не видела более счастливого человека, чем он. Они с бабушкой нежно любили друг друга до конца своих дней.

Корону получил отец нынешнего короля – представитель боковой ветви рода Агаларов. Ветви, не прославившейся ни подвигами, ни сильной магией.

– Передайте его величеству, что я выслушал вас, но посчитал подобное предложение неуместным и невозможным. Уверен, Астор сумеет уладить это вопрос с королем Шеллара как-нибудь по-другому – например, отправит тому еще один сундук с золотом. Или два сундука.

Отец поднялся, и гостю пришлось сделать то же самое.

– Боюсь, ваше высочество, невыполнение условий договора будет означать войну. А зная о соотношении сил, не приходится сомневаться, что мы ее проиграем.

Отец пожал плечами, давая понять, что о благополучии страны должен думать ее король, а никак не его подданые. Он направился к дверям, и герцог Дюран занервничал – при дворе слишком хорошо знали наш упрямый семейный нрав.

– Послушайте, ваше высочество, я уполномочен сделать вам еще одно предложение – от которого, я уверен, вы не откажетесь!

Отец остановился и усмехнулся:

– Вы слишком самоуверенны, ваша светлость. Но я вас слушаю.

Теперь они находились от меня чуть дальше, чем прежде, и, чтобы не пропустить ни слова, мне пришлось тоже сместиться к дверям.

– Насколько я знаю, ваше высочество, в вашем замке живет сирота – племянница вашей супруги. Она ровесница вашей дочери и весьма на нее похожа. Принцесса Элана еще не бывала в столице, и при дворе никто не знает, как она выглядит. Если вы отправите в Шеллар под видом своей дочери эту девушку, Венсан не заподозрит обмана.

Ох, нет! На сей раз мое сердце испуганно трепыхнулось. Они говорили о Ребекке!

Предложение

Я была уверена, что отец не согласится отдать меня замуж в Шеллар, но не могла сказать того же, когда речь шла о моей кузине.

– Вы не в своем уме, ваша светлость, если полагает, что подобная шутка может быть уместной в отношении короля Венсана. Если он узнает об обмане, то сотрет нашу страну с лица земли.

Герцог торопливо возразил:

– Он не узнает, ваше высочество! В эту тайну будем посвящены только мы с вами, а также ваши жена, дочь и племянница. Ну и, разумеется, его величество Астор. Через пару месяцев принцесса Элана будет представлена ко двору, но на самом деле это будет ваша племянница. В столице вы наймете новых слуг, которые не будут знать о подмене. Для них, как и для всех остальных, принцессой будет ваша племянница.

Отец вернулся к столу и опустился на стул. Еще бы – после такого предложения ему было решительно необходимо выпить.

– Даже если я соглашусь на этот обман, с чего вы решили, что в нем согласится участвовать Ребекка? Стать женой короля Шеллара – весьма сомнительное удовольствие.

Герцог тоже сел и потянулся к своему кубку.

– Для принцессы Эланы – да, но для сиротки, которую вы держите в замке из милости, подобное предложение весьма почетно. Неужели вы думаете, что девушка сомнительного происхождения (да-да, к чему скрывать?) откажется от возможности стать настоящей королевой? Пусть даже для этого ей придется отправиться в суровый и мрачный Шеллар.

Мне захотелось воскликнуть: «О нет, вы плохо знаете Ребекку! Она не из тех, кто готовы продаться за титул и золото!», и я едва сдержала свой порыв.

– Возможно, в этом вы правы, – подумав, согласился отец. – Но это будет означать, что Элана потеряет право на титул принцессы Агаларской и будет вынуждена играть роль своей кузины. С чего бы нам соглашаться на это, ваша

светлость?

Но у гостя и на это был ответ.

– Никто не удивится, ваше высочество, если после отъезда принцессы Эланы вы и ваша супруга затоскуете, и чтобы заглушить эту грусть, удочерите свою племянницу. Тем более, что в условиях наших напряженных отношений с Шелларом, Венсан вряд ли позволит своей жене навещать родных. Так ваша настоящая дочь снова получит право на титул принцессы.

Отец усмехнулся:

– Она имеет это право и сейчас. Так с чего бы нам ввязываться в эту авантюру, если мы придем к тому же, что имеем в данный момент? Король Шеллара получит жену, Астор получит мир в своей стране. А что получим мы, ваша светлость?

Он резко опустил кубок на стол и снова поднялся.

– Прошу меня простить, но я и так уделил вам слишком много времени.

На сей раз он направился к дверям куда более резво, чем прежде, и я тоже усмехнулась, понимая, что никакие слова гостя уже не смогут его остановить. Но я ошиблась.

– Принцессе Элане будет предложен брак с сыном его величества Астора!

– Что-о-о? – отец развернулся так резко, что задел рукой стоявшую на столике фарфоровую статуэтку, и та упала на пол, разлетевшись на множество мелких осколков.

– Принцесса Элана станет женой наследного принца! – другими словами повторил ту же мысль герцог Дюран. – Его величество готов прямо сейчас подтвердить это письменно.

Даже с такого расстояния мне было видно, как хищно заблестели глаза отца.

Нет, папочка, не слушай его! Нам не нужны такие подачки! Они не стоят того, чтобы ради них становиться лжецами! Они не стоят того, чтобы ради них жертвовать Ребеккой!

– Государственный совет никогда не одобрит этот брак, – отец, уже готовый проглотить наживку, прищурился. – Вы сами только что напомнили мне о том, что происхождение моей племянницы оставляет желать лучшего. Пятьдесят лет назад члены совета посчитали мою мать недостойной титула королевы, а ведь она была из древнего и уважаемого графского рода. Отец же Ребекки был всего лишь нищим виконтом, а ее мать вовсе не имела никакого титула.

Это был резонный ответ. Государственный совет в матримониальных вопросах был слишком строг – королям и принцам надлежало жениться только на себе подобных – так укреплялась власть и усиливалась магия.

– Не беспокойтесь об этом, ваше высочество, если понадобится, мы раскроем тайну председателю совета, а он сумеет убедить остальных. Вы же знаете, что многие дворяне до сих пор сожалеют, что ваш отец отрекся от престола, и будут рады, если ваша дочь однажды станет королевой Алькании. Подумайте – принцесса Элана получит королевскую корону, на которую она имеет не меньше прав, чем ее будущий супруг. Стоит ли от этого отказываться?

Это было слабое место отца. Он искренне сожалел о том, что дедушка отрекся от престола, и надеялся, что однажды наш род снова станет править страной.

Теперь я уже почти не сомневалась, что он примет это предложение. Соблазн был слишком велик.

Бекки

Но я была уверена, что Бекки откажется участвовать в этом фарсе, и приготовилась к крупной ссоре со своим отцом. Я не сомневалась, что сумею убедить его, что приносить Бекки в жертву нашим семейным интересам и интересам страны – слишком жестоко. Принц Агаларский, несмотря на внешнюю строгость, в душе был добрым и отзывчивым человеком, и он любил племянницу – пусть и не так сильно, как родную дочь.

Но сражаться за кузину не пришлось, потому что в тот же вечер Ребекка дала свое согласие на то, чтобы играть мою роль.

– Тебя заставил отец, да? – я схватила ее за руку и потащила на середину комнаты – там было светлее, а я хотела видеть все чувства, что отразятся в ее взгляде. – Он угрожал тебе? Ты должна сказать мне правду! Прошу тебя, не бойся, мы обязательно что-нибудь придумаем!

В ответ Ребекка замотала головой:

– Нет, Лана, нет! Как ты могла такое подумать? Его высочество никогда не стал бы мне угрожать. Он всегда относился ко мне с большой теплотой.

– Но тогда почему? – выдохнула я, глядя на нее с изумлением.

Мне было непонятно, как кто-то в здравом уме мог согласиться на подобный брак. Добровольно отправиться в Шеллар и позволить заточить себя в холодном и мрачном замке, где никогда не бывает балов (да-да!). Разделить постель с человеком, который лишен всякой приятности, и станет относиться к тебе, как к рабыне.

Нет, конечно, даже в свои шестнадцать лет я понимала, что отнюдь не каждый брак заключается по любви, но в нем должны быть хотя бы симпатия и взаимное уважение. А чего можно было ждать от человека, который презирает окружающих настолько, что не считает нужным соблюдать даже формальный дипломатический политес? Он не отправлял своих послов в другие страны и не принимал чужих послов у себя. Он будто обнес Шеллар невидимой стеной, отгородившись от остального мира.

– Говорят, король Венсан – безжалостный воин. Вряд ли он окажется другим даже по отношению к собственной жене.

На губах Ребекки появилась улыбка.

– Может быть, ты удивишься, Лана, но не только король Шеллара, но и множество других мужчин бывают жестоки к своим женам. Так что оказаться в роли униженной супруги можно довольно легко и в Алькании. Вступая в брак, мы

не можем быть уверенными в том, что он станет счастливым.

Она говорила со спокойствием, которое в подобных обстоятельствах меня просто поразило.

– Но мы никогда даже не видели его! – привела я еще один довод.

Бекки покачала головой:

– Лана, не всем суждено выйти замуж за красавцев. У мужчины должны быть другие достоинства – ум, честь, отвага.

– Именно так! – подхватила я. – Но умен ли он? Да, он храбр, но вряд ли это так важно для брака. Ты только подумай, Бекки – тебе придется отправиться на самый север, где зима стоит почти круглый год, и даже внутри жилищ там так холодно, что приходится ходить в теплой одежде. Венсан нелюдим и старается избегать шумного общества. При его дворе не бывает балов и приемов. И он не разрешит тебе приезжать к нам. Ты станешь тосковать в чужой стране, а мы даже не узнаем об этом!

Ребекка опустилась на диван, и я села рядом. Теперь я заметила, что руки у нее дрожали, а значит, ее спокойствие было показным, и она боялась и волновалась ничуть не меньше, чем я. Я чуть воспрянула духом. Быть может, я еще сумею ее отговорить.

Но во взгляде, которым ответила мне кузина, не было сомнений. За те несколько часов, что прошли со времени прибытия в замок герцога Дюрана, Бекки словно повзрослела. Хотя она всегда была серьезнее меня.

– Ох, Лана, ты рассуждаешь как принцесса. Для тебя подобный брак – тюрьма, а для меня – свобода. Я слишком хорошо осознаю свое положение, чтобы пренебречь подобной возможностью. Я благодарна твоим родителям, что они вырастили меня как родную дочь, но мы же обе понимаем, что я – всего лишь сиротка, которой они помогли. Ты говоришь о том, что в Шелларе не бывает балов. Но разве в Алькании я стану бывать на балах в королевском дворце? Нет, конечно, нет! У меня нет ни титула, ни денег, чтобы надеяться на партию с достойным человеком. А выходить замуж за недостойного – значит, обречь себя на куда большие тяготы, чем в Шелларе. Там я буду королевой! Ты понимаешь,

Лана? Королевой! Могла ли я когда-нибудь мечтать о таком?

Я попыталась возразить:

– Бекки, но твой будущий муж – чудовище!

Но она, судя по всему, решение уже приняла, и никакие мои доводы не могли его поколебать.

– Да, возможно, – осторожно признала она. – Но даже если он не способен любить и проявлять доброту даже к своей супруге, он всё же вряд ли пойдет на то, чтобы прилюдно ее унижать. Ведь я буду его женой, и он наверняка потребует, чтобы его подданые относились ко мне с почтением. У меня будут дом, наряды и еда. Чего еще мне желать? И у меня будут слуги, которые станут выполнять мои прихоти.

– Но, Бекки, разве ты не боишься, что рано или поздно король Венсан узнает об обмане? Тогда он уничтожит всех, кто был в этом замешан. А ты будешь к нему ближе всех!

Меня удивляло, что эта мысль никому не пришла в голову. Король Шеллара – не тот человек, которого можно легко обмануть. Даже если он противник дипломатических отношений с соседними странами, это не значит, что у него нет здесь своих шпионов. И уж наверняка о своей будущей жене он захочет узнать как можно больше.

Ребекка чуть напряглась и согласилась:

– Да, такое возможно. Но я готова рискнуть. К тому же, об этой тайне будут знать только несколько человек, и никому из них нет никакого резона ее открывать. В моем молчании ты может быть уверена, Лана! Прошу тебя, позволь мне совершить это безумство!

Я еще долго уговаривала ее отказаться от этой затеи, но она стояла на своем. И я решила зайти с другой стороны.

Принц Агаларский

– Прошу вас, папенька, подумайте хорошенько! Участие в этом фарсе не красит потомков королей. Что сказал бы дедушка, узнай он об этом?

Я застала отца в кабинете, и он, хоть и нехотя, согласился выслушать меня. Он сидел за столом и старался не смотреть в мою сторону, делая вид, что увлечен новым выпуском геральдического вестника, что прислали ему из столицы.

– Твой дедушка, Элана, и сам был большим авантюристом, – отец сказал это не без горечи, и я поняла, что привела неудачный пример.

– Ну, хорошо, оставим дедушку в покое, – вздохнула я. – Но как можно решиться пойти на обман короля Шеллара, одно имя которого наводит ужас на все соседние страны? Он – не тот человек, с которым можно шутить.

Отец, наконец, отложил книгу в сторону и взглянул на меня.

– Да, это опасно. Но что ты предлагаешь вместо этого, дорогая? По сути, король Венсан сделал тебе предложение. Его устроила твоя кандидатура, и он готов на тебе жениться. Ты полагаешь, мы должны просто ему отказать?

Об этой стороне вопроса я как-то не думала.

– Ну, вот, – удовлетворенно кивнул отец, – ты и сама поняла, что это невозможно. Отказать правителю самой могущественной страны в этой части света – значит, вызвать на себя его гнев. Ты думаешь, он сумеет простить подобное оскорбление? Он потребует от нашего короля лишить нас титула и отправить в изгнание. А зная слабохарактерность Астора, можно не сомневаться, что тот и не подумает возразить.

Я содрогнулась. Мне было трудно даже представить себе, как живут простые люди, не имеющие титулов, и я предпочла бы этого не знать. А в оценке его величества Астора Первого можно было вполне положиться на мнение отца – он скорее уничтожит нас, чем захочет ссориться с могущественным соседом.

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я согласился на эту подмену. Не только потому, что Астор пообещал, что ты станешь женой его сына, – тут по губам отца пробежала хитрая улыбка, – хотя, не скрою, это стало приятным

добавлением. Но даже если бы герцог не предложил этого, я все равно не отказался бы от этого представления. Мы не могли ответить отказом королю Венсану, но и позволять тебе отравиться в Шеллар я был не намерен – я слишком люблю тебя, моя девочка, чтобы отдать в лапы этому зверю.

– А Ребекку ты совсем не любишь? – мой голос дрогнул, когда я задавала этот вопрос.

Отец встал из-за стола, подошел к дивану и сел рядом со мной.

– Ну, что за глупости, Лана? – почти обиженно ответил он. – Конечно, я люблю ее. Но для нее этот брак – возможность получить такой статус, какой ей не мог привидеться даже во сне.

Он сказал почти то же самое, что и сама Бекки. И я впервые подумала, что, может быть, правы как раз они, а не я. И что, упорствуя в своем желании помешать этому браку, я делаю кузине не лучше, а хуже.

– Она станет королевой Шеллара! – мягко увещевал меня отец. – Да, ее будущего супруга нельзя назвать идеалом любящего мужчины, но хотя бы в присутствии своих подданых он будет вынужден относиться к ней с уважением – а ведь многие женщины в браке лишены даже этого. К тому же, возможно, этот брак послужит началом для дружеских отношений между нашими странами, и когда ты тоже станешь королевой, – мне показалось, он мурлыкнул при этих словах, – вы сможете видеться с Ребеккой или, по крайней мере, вести переписку.

Я всхлипнула, и он погладил меня по голове.

– Надеюсь, вы обе поймете, что, когда я принимал это решение, я думал отнюдь не о своих, а о ваших интересах, и когда-нибудь скажете мне «спасибо». Ну, а пока нам придется многое переменить. В самое ближайшее время нам следует отправиться в столицу, где вы с Бекки будете играть чужие роли. Вы должны будете привыкнуть к новым именам и новому положению. Понимаю, тебе будет непросто принять это, но ты должна постараться.

Я пожала плечами – это-то как раз я не считала проблемой. Впрочем, как оказалось, напрасно.

Отъезд в столицу

– Ваше высочество, прошу вас, уговорите его высочество позволить мне ехать в столицу вместе с вами! – на глазах у моей горничной Шарлотты были слёзы. – Кто лучше меня знает ваши привычки и желания? Какое платье подать, как уложить волосы, какой чай принести с утра.

Решение отца отправиться в столицу без слуг привело в растерянность всех – от дворецкого до поваренка.

– Да и зачем же вам искать там новых людей, когда здесь есть те, к кому вы уже привыкли, и кому можете доверять? – продолжала излагать свои аргументы Шарлотта. – А в городе-то, поди, и жулики могут попасться, и неумехи. А мы уже свои, проверенные.

Я бы и сама предпочла, чтобы в городе с нами были те, к кому я привыкла с детства – старая няня, горничные, лакеи, дворецкий, но понимала, что это невозможно. Слишком важна была та тайна, что мы пытались сохранить. Слишком велика была цена ошибки.

– Не понимаю, как я смогу обойтись без моей Сьюзен, – жаловалась мне и матушка. – Нет-нет, я знаю, что мы не можем взять ее с собой, но найти в Тьерсене таких вышколенных слуг будет трудно.

По официальной версии мы отправлялись в столицу только на бальный сезон – всего на три месяца. И только члены семьи знали, что возвращаться в Агалар мы были не намерены вовсе. То есть, разумеется, отец мог позволить себе приезжать сюда хотя бы изредка, а вот мы с Бекки расставались с родным домом надолго.

Отец именно так и заявил – что оставляет слуг потому, что долгое пребывание в столице ему претит, и он намерен вернуться в замок, как только нанесет визиты вежливости своим знакомым и засвидетельствует почтение королю. А кататься с нами по балам и приемам он предоставит матушке – благо, она уже соскучилась по этим развлечениям.

Агалар находился слишком далеко от столицы, поэтому мы могли не опасаться, что кто-то из нашего герцогства вдруг случайно узнает нас в столице под

чужими именами. Здесь, в родных местах, мы с Бекки почти не бывали на светских мероприятиях – отец полагал, что мы еще слишком юны для этого, и сейчас это играло в нашу пользу.

Поскольку папенька всегда надеялся на отличную партию для меня, он не позволял мне общаться с провинциальными кавалерами, так что в лицо принцессу Элану знали разве что наши слуги да еще парочка давних приятелей отца, что приезжали в замок на охоту или для карточных игр, – но эти приятели были слишком стары, чтобы иметь желание ехать в столицу.

Мы отправились в Тьерсен в нашей карете, на ней же кучер должен был сразу же вернуться обратно – отец сказал, что ездить в такой немодной карете по столице – моветон. Мы с Бекки никогда не выезжали за пределы Агалара, и для нас обеих это путешествие уже было праздником. Незнакомые пейзажи за окном, казавшаяся нам странной одежда на жителях других провинций, шум больших городов, через которые мы проезжали – всё было новым и интересным.

Родители наших восторгов не разделяли – они беспокоились о том, будет ли готов к нашему приезду наш столичный дворец, хорошие ли слуги там подобраны, и не сорвется ли наша задумка из-за какой-нибудь неучтенной мелочи.

Во время последней перед Тьерсеном остановки на ночлег на постоялом дворе отец еще раз напомнил нам о том, что мы с Бекки с этого дня поменялись местами, и мне надлежит носить более скромную одежду и вести себя соответственно. Я пообещала быть паинькой – пока всё это казалось мне скорее забавным, нежели пугающим. А вот Ребекка уже чувствовала себя не в своей тарелке – дорогое платье сковало ее движения, а к драгоценностям она отнеслась как к кандалам.

– Ну, же, Бекки, – ободряюще улыбнулась ей матушка, – ты теперь – принцесса Элана, потомок славных королей Алькании. Подними голову и расправь плечи. И научись не краснеть, когда тебе говорят комплименты. Принимай похвалы как должное. Столица должна восхититься той, которая станет королевой Шеллара!

Но эти слова еще больше взволновали Ребекку. Мне показалось, что прежде она не вполне понимала всю ту ответственность, что взвалила на свои плечи.

– Думаю, король Венсан предпочел бы видеть в своей невесте не только ум и красоту, но и подобающее королеве достоинство, а также приятный нрав и хорошие манеры, – продолжала матушка. – Не так ли, дорогой?

Отец кивнул, подтверждая, и посмотрел на Ребекку с большим сомнением. Большей частью перечисленного моя кузина обладала, но вот королевское достоинство было ей совершенно несвойственно. Она всегда полагала, что девушку ее положения должна украшать скромность, и бывала прилежна (иногда даже чересчур!) и послушна. Она не привыкла спорить и отстаивать свое мнение. Более того – своего мнения она предпочитала не иметь.

– С вами будут заниматься лучшие учителя Тьерсена, – попыталась успокоить нас матушка. – Они куда быстрее, чем наши провинциальные воспитатели, научат вас придворному этикету и привьют хорошие манеры. Вам будут сшиты новые наряды по последней столичной моде, – тут она с легкой улыбкой посмотрела на меня, – тебе, Лана, придется довольствоваться более скромными платьями. Прости, но мы не можем позволить хоть кому-то усомниться в том, что Бекки – суженая короля Венсана. Если вы будете появляться где-то вдвоем, любой должен будет безошибочно определить, кто из вас – принцесса Элана.

– Я всё понимаю, матушка, – я тоже ответила ей улыбкой, – меня это совсем не беспокоит. Вы же знаете – мы не привычны к балам.

Бекки согласно кивнула, а папенька хмыкнул:

– Тебе, Ребекка, как раз придется к ним привыкать. Уверен, как только станет известно, что мы прибыли в столицу, приглашения на приемы будут поступать каждый день. А вот Лана в этих развлечениях участвовать не станет.

Если я и взгрустнула от этого, то ненадолго – до моего совершеннолетия оставалось два года. Стоило немного потерпеть. Куда хуже было бы, если бы именно я, а не Ребекка отправилась в Шеллар – там мне пришлось бы обходиться без балов и светских раутов всю оставшуюся жизнь.

Стоило мне подумать об этом, как я едва не расплакалась от жалости к кузине. Я стиснула ее ладошку с такой силой, что Бекки вздрогнула и посмотрела на меня с удивлением. Впрочем, она тут же всё поняла и улыбнулась мне ободряюще. Она держалась с потрясающей стойкостью. Не знаю, что было у нее в душе, но

внешне она ничем не выдавала своего беспокойства или страха. Казалось, далекий и мрачный Шеллар совсем ее не пугал.

Тьерсен

Столица оправдала наши самые смелые ожидания – она была великолепна! Широкие, вымощенные булыжником улицы не шли ни в какое сравнение с тем, к чему мы привыкли в Агаларе. Здесь уже не нужно было шарахаться в сторону от каждого всадника или экипажа, боясь, что тебя забрызжет летящая из-под копыт грязь.

Зато заблудиться здесь было легко и просто. Тьерсен показался мне просто огромным. Я решительно не понимала, как местные жители сумели запомнить названия бесчисленных улиц и мостов и всегда могли точно подсказать провинциалам, в какой стороне находится нужное тем место.

Когда мы проезжали мимо королевского дворца, я не смогла сдержать вздох восхищения – он был таким огромным и величественным, что я вполне поняла желание папеньки однажды туда вернуться. Если изнутри он был так же красив, как снаружи, то, право же, стоило стать королевой хотя бы ради того, чтобы иметь возможность там обосноваться.

Наш же дворец находился не в самом центре столицы, но это только шло ему на пользу. Здесь были восхитительные сады и парки, а воздух был почти таким же свежим, как в Агаларе. К нашему приезду всё уже было готово – наш поверенный, с которым папенька регулярно обменивался корреспонденцией, нанял дополнительный штат прислуги, обновил интерьеры и позаботился о новых лошадях и карете.

Это был старый королевский дворец, долго пустовавший с тех пор, как был построен новый – тот самый, на центральной площади Тьерсена, что так меня впечатлил. Когда мой дедушка отрекся от престола, он получил этот дворец в свое распоряжение – как некую компенсацию за то, чего он лишился. Но сам дедушка так никогда сюда и не вернулся – он не желал ворошить воспоминания и предпочитал держаться от столицы подальше.

А вот папенька, бывая в Тьерсене, охотно останавливался именно здесь. Всё-таки некогда это тоже была королевская резиденция, и по этим паркетным

полам ходило немало славных монархов. Здание содержалось в образцовом порядке – отец каждый год присылал из Агалара требуемую на это сумму. Наш поверенный был человеком, на которого вполне можно было положиться, и когда мы, измученные дорогой, ступили на порог дворца, мы смогли оценить старания месье Ламбьеля.

Перед нами выстроилась целая вереница слуг, во главе которых стоял сам месье Ламбьель.

– Рады приветствовать вас, ваше высочество!

И он поклонился так низко, как только смог. А следом за ним склонились и остальные. Не приходилось сомневаться, что вся прислуга вышколена должным образом, и маменька, которая в Агаларе волновалась из-за этого, вздохнула с облегчением.

Месье Ламбьель хорошо знал папеньку, а вот с нами познакомился только сейчас. Он с искренним почтением поприветствовал матушку и Ребекку, меня же удостоил лишь беглого взгляда. Не приходилось сомневаться, что точно так же станут ко мне относиться и другие слуги – конечно, кузина принцессы стояла куда выше их по происхождению, но она, не имея за душой даже медяка, не имела и той капельки свободы, которая была у них.

Нам представили почтенного седого мажордома, потом – старшую горничную и папенькиного секретаря. Остальные слуги остались для нас пока безымянными, потому что отец заявил, что мы голодны, и потребовал, чтобы накрывали на стол.

Рыжеволосая горничная показала нам с Ребеккой наши комнаты, находившиеся по соседству. Обе они были прелестны, и я почти не почувствовала себя ущемленной. Конечно, в комнате принцессы было чуть больше всяких удобств – и магические светильники вместо свечей, и прелестный балкон с пологом, способным с помощью магии скрыть всякого, кто желал сохранить приватность, и еще некоторые другие мелочи, без которых можно было обойтись, но с которыми было, несомненно, приятнее.

– Право же, Лана, мне так неудобно, – сразу же почувствовала себя виноватой Ребекка. – Зачем мне это? Я всё равно не умею обращаться с этими магическими

штучками.

Я не сомневалась, что она готова была уступить мне свою комнату, но сейчас не могла ее за это похвалить.

– Не говори ерунды! Ты ко всему привыкнешь. И перестань называть меня Ланой. Если нас кто-нибудь услышит, то весь наш план окажется напрасным.

Это было как раз самое трудное – обращаться друг к другу по чужим именам. Не раз я прикусывала язык, когда с него слетало привычное «Бекки». Мне несложно было обратиться к кузине «ваше высочество», но вот назвать ее Ланой было неимоверно трудно. Я как будто обращалась сама к себе.

Обед удался на славу – на столе оказалось столько кушаний, о которых в Агаларе мы даже не слышали, что мы с Бекки, пытаясь попробовать каждое блюдо, объелись так, что едва доплелись до спален.

– Его высочество нанял для меня какую-то компаньонку, – вздохнула кузина. – Кажется, в Тьерсене так принято. Если я вздумаю выйти из дома, она будет сопровождать меня повсюду.

Я хмыкнула. Это было совсем некстати, но матушка предупреждала нас об этом еще в Агаларе. Каждая благородная девица должна была иметь такую сопровождающую, которая будет удерживать ее от опрометчивых поступков, развлекать умной беседой и носить за ней зонтик или альбом для живописи. Мне это казалось ужасно глупым.

– Ты должна называть его папенькой, – напомнила я. – Даже в мыслях!

Кузина едва не расплакалась. Она не была искусной притворщицей, и этот обман давался ей нелегко. А ведь мы еще даже не вышли в свет! Что же будет, когда она окажется в королевском дворце и вынуждена будет разговаривать с его величеством и другими важными персонами? Об этом мы обе предпочитали не думать.

Мадемуазель Пикард

Я поняла, что мы станем врагами, как только увидела ее. Мы с Бекки спустились в кабинет папеньки, когда нам сообщили, что прибыла компаньонка принцессы.

Я ожидала, что это будет молодая женщина приятной наружности с приятными же манерами, но эта дама оказалась совсем иного толка. Ей было уже лет за сорок, она была высокой, худой, а в ее темных волосах были заметны седые пряди. Может быть, когда-то ее лицо и было милым, но сейчас оно было изборождено морщинами, а сведенные к переносице брови придавали ему чересчур суровое выражение. Взгляд ее темных глаз был цепким и на удивление быстро меняющимся.

Когда она смотрела на Ребекку, ее взгляд был полон подобострастия и восхищения, стоило же ей только обратиться в мою сторону, как он стал равнодушным. Она рассыпалась в комплиментах ее высочеству и заверила, что приложит все усилия, чтобы помочь принцессе освоиться в столице и стать жемчужиной королевского двора.

Мне не понравилась мадемуазель Пикард, равно как и я ей, и я надеялась только, что она будет не сильно докучать нам с Бекки, но в этом я ошиблась. Мадемуазель, словно сторожевой пес, взялась сопровождать мою кузину повсюду, куда бы та ни шла – в библиотеку, в столовую, в сад. Единственным утешением в этой ситуации было то, что спальня мадемуазель находилась в другой части дома, и хотя бы в вечерние и ночные часы мы были избавлены от ее общества.

– Никогда не думала, что иметь компаньонку – такое наказание, – жаловалась Бекки. – Право же, у меня пропал аппетит – я совершенно не могу есть, когда она на меня смотрит. Мне кажется, она укоряет меня за каждый съеденный кусок. По ее мнению, благородная дама должна питаться как птичка.

Я хихикнула – мой аппетит мадемуазель Пикард, к счастью, не интересовал совершенно. Но вот то, что она вздумала разлучить нас с кузиной, возмутило меня до глубины души.

Она решила, что находиться в обществе столь невоспитанной девицы, как я, пойдет во вред принцессе, и попросила моего отца отослать меня обратно в провинцию.

– Ваша дочь теперь будет выезжать на балы и появляться в лучших домах Тьерсена, и поверьте мне, ваше высочество, она куда быстрее впитает в себя манеры высшего общества, если перестанет общаться с той, которая этими манерами не обладает.

Не знаю, как в этот момент отец сумел не рассмеяться – я видела, что он был к этому весьма близок, – но в итоге он с самым серьезным выражением лица заявил ей, что поддерживать сиротку-племянницу – его долг, и он будет ей признателен, если она возьмется и за мое воспитание.

На что мадемуазель Пикард с сомнением покачала головой:

– Это будет гораздо труднее, ваше высочество.

Но он сделал комплимент ее педагогическим способностям, и она удалилась польщенной. А папенька после этого еще долго подтрунивал надо мной.

Покорение столицы мы начали с выезда в театр. Это развлечение не было уделом только высшего общества, и публика собралась там самая разношерстая. Отец забронировал ложу на весь сезон, и на представление мы отправились все вместе – в том числе и мадемуазель Пикард.

Нужно отдать ей должное, она прекрасно осознавала свое место, и когда к нам в ложу устремились знакомые родителей, торопившиеся засвидетельствовать им свое почтение и познакомиться с принцессой Эланой, она отошла в сторону и стала почти незаметной. Впрочем, сделать это она вынудила и меня.

– Для нас большая честь, что его высочество позволяет нам находиться в этой ложе, а не отправляет нас в амфитеатр, – внушала она мне. – Поэтому вы, мадемуазель Бланшар, должны быть искренне ему благодарны.

Представление уже началось, и всё мое внимание было обращено на сцену, но мадемуазель еще долго не могла успокоиться и всё поучала меня и поучала. Впрочем, не меньше, чем пьеса, меня интересовало поведение кузины. Я видела, как Бекки краснела и смущалась каждый раз, когда ее знакомили с кем-то, и мне ужасно хотелось подбодрить ее, но мадемуазель Пикард не давала мне ни малейшей возможности это сделать.

А появление принцессы Агаларской вызвало среди публики большой интерес. В стране было немало недовольных политикой Астора Первого, а мы были представителями той ветви династии, о которой до сих пор сожалели. Я знала, что при дворе ходили разговоры, что брак между сыном Астора и Эланой Агаларской мог бы примирить враждующие стороны, но теперь, когда на Элану предъявил свои права более могущественный правитель, об этом, конечно, не могло быть и речи.

Как ни странно, но я уже почти научилась думать о принцессе в третьем лице. Я уже могла сказать «принцесса Элана», думая совсем не о себе, а о Бекии. И я надеялась, что рано или поздно, кузина тоже станет себя таковой воспринимать. Хотя пока это у нее получалось плохо.

Мне казалось, что мадемуазель Пикард тоже должна была бы это заметить и подсказать своей подопечной вести себя более естественно и раскованно, но она, напротив, лишь восхитилась кротостью принцессы.

– Ах, как это благородно! – воскликнула она. – Такая трогательная робость! Вот это и есть, мадемуазель Бланшар, тот подлинный аристократизм, которого вам так не хватает!

Я предпочла с ней молча согласиться, дабы не выслушивать очередную порцию нравоучений во время второго акта пьесы.

Первый бал

О том, чтобы меня представили ко двору, не могло быть и речи – такие, как Бекки, могли видеть короля только тогда, когда он проезжал по улицам столицы. Но вот принцессу Агаларскую должны были познакомить с королевской семьей во дворце на самом большом балу сезона.

– Ах, Лана, я так боюсь! – кузина так и не привыкла называть меня своим именем, и хотя я всякий раз поправляла ее, на пользу делу это не шло. Правда, если мы были не одни, то она, разговаривая со мной, предпочитала вообще не использовать обращение. – Уверена, я что-нибудь непременно напутаю. Дворцовый этикет так сложен! Что подумают обо мне их величества и придворные, если я допущу какую-нибудь оплошность?

Я никак не могла убедить ее, что даже если она совершит ошибку, то это будет неважно. Король знает, кто она такая, и понимает, как сложно ей играть мою роль. А на то, что подумают остальные, можно было не обращать внимания. Придворные так и останутся придворными, а она через два года станет королевой Шеллара.

Но она всё равно ужасно волновалась. Для бала во дворце ей сшили такое роскошное платье, что она расплакалась – в таком наряде всеобщее внимание на балу было ей обеспечено, а именно этого она и хотела избежать.

Дворцовый и бальный этикеты мы учили вместе, и Бекки уже почти все правила знала наизусть. Опускать взгляд, если к тебе обратился кто-то из членов королевской семьи. Не разговаривать с мужчинами, которые не были тебе представлены. Не смеяться слишком громко. Не отдавать никому из мужчин более одного танца. Не говорить о еде, даже если ты голодна, или тебя мучает жажда.

Наконец, день бала настал, и Бекки вслед за моими родителями села в карету. Она была так бледна, что я бы не удивилась, упади она в обморок, так и не доехав до дворца.

– Это значимый день для ее высочества! – с пафосом заявила мадемуазель Пикард, которая, как и я, смотрела вслед отъезжающей карете. – Она впервые войдет в королевский дворец и будет разговаривать с самим королем!

Она блаженно улыбнулась, словно это она сама, а не Бекки, ехала сейчас на бал. Должно быть, я хмыкнула, потому что выражение лица мадемуазель сразу переменилось, и она сердито попеняла мне на то, что я отношусь к представлению ко двору без должного пиетета.

– Впрочем, вам это простительно, мадемуазель Бланшар. Вам не грозит оказаться на подобном мероприятии, и потому не удивительно, что вы не способны оценить величие момента. И вам не стоит тратить время на изучение бального этикета – куда больше пользы вам принесет овладение каким-нибудь полезным ремеслом. Вам стоит задуматься, чем вы станете заниматься после того, как ее высочество выйдет замуж. Не собираетесь же вы пользоваться добротой его высочества до конца своих дней? Он и без того сделал для вас очень много, и вам следует отплатить ему сторицей. Сосредоточьтесь на

изучении иностранных языков и, если вы достигнете успехов, то сможете занять место гувернантки в каком-нибудь приличном доме.

Участь гувернантки меня совсем не прельщала, но мадемуазель Пикард знать об этом было совершенно не обязательно.

Я вернулась в свою комнату и раскрыла книгу, которую начала читать еще накануне. Но, как ни странно, приключения отважного рыцаря Энрике, которые вчера показались мне весьма увлекательными, сегодня нагоняли лишь скуку. Мои мысли всё время устремлялись к королевскому дворцу, где сейчас Бекки, должно быть, вела свой первый танец.

В этот день я впервые поняла, что мне всё-таки немного обидно, что это кузина, а не я, купается сейчас в лучах славы и наслаждается вниманием лучших аристократов Тьерсена.

«Ну, ничего, – мстительно подумала я, – после того, как я стану женой принца Патриса, всё переменится, и все те, кто сейчас смотрят на меня с пренебрежением, будут заискивать передо мной».

Интересно, что скажет тогда мадемуазель Пикард? Сможет ли она осудить его высочество за то, что он женился на столь недостойной этого девице?

Я была еще не знакома с принцем, но видела его портрет – на нём пятнадцатилетний Патрис был изображен в военном мундире. Он был невысок, худощав, и у него были светлые волосы. Конечно, с тех пор прошло уже несколько лет, и теперь его высочество наверняка возмужал и еще больше похорошел. Думать об этом было весьма приятно.

Ну, а более точные сведения о принце я надеялась получить от Бекки, и она меня не разочаровала. К тому времени, когда она вернулась с бала, я уже спала, но она ворвалась в мою комнату как ураган.

– Ах, Лана, мне так много нужно тебе рассказать!

Когда я протерла заспанные глаза и разглядела на ее губах улыбку, то поняла, что ее первый бал прошел хорошо.

– Его величество так авантажен! Я так боялась подходить к нему – думала, что лишусь чувств, когда меня будут представлять. Но он взглянул на меня с такой отеческой приязнью, что я едва не расплакалась. А королева так величественно-красива!

– А его высочество? – направила я разговор в сторону более интересовавшего меня объекта.

– О, его высочество очарователен! Он красив, умен, и у него безупречные манеры, – она отчего-то смутилась.

Ну, насчет красоты и манер было понятно, а вот когда она успела оценить его ум? Я посмотрела на нее с подозрением, и румянец выступил у нее на щеках.

– Ах, Лана, прости, но я немножечко завидую тебе! Какое это счастье – выйти замуж за столь блестящего молодого человека. Как я хотела бы, чтобы король Венсан хоть немного был на него похож, но на это вряд ли стоит надеяться.

Я смотрела на нее с изумлением. Никогда прежде она не выражала свои чувства так открыто. Бедняжка Бекки – она влюбилась!

Нет, я ничуть не сердилась на нее за это, но я понимала, как много боли могло принести увлечение человеком, который был для нее недоступен. И одно дело – выйти замуж за нелюбимого, когда твое сердце свободно, и совсем иное – когда оно полно любви к другому.

Но, чтобы не смущать ее еще больше, я предпочла оставить эту тему и спросила о нарядах присутствовавших на балу дам. Потом – о музыке, что там играла, и об убранстве дворца. Но на какие бы вопросы ни отвечала Бекки, было видно, что мысли ее всё время обращаются к принцу Патрису, и как только появлялась возможность упомянуть его в разговоре, она делала это.

Мы проболтали почти до утра, и Бекки так и уснула на моей кровати.

Принц Патрис

Самой составить мнение о его высочестве у меня появилась возможность через неделю после бала в королевском дворце – принц нанес нам визит, вызвав немалый переполох в нашем особняке. Мы понимали, что рано или поздно это должно было случиться – познакомиться со мной в другом месте было затруднительно. Меня не приглашали на балы и приёмы, а в театре при большом скоплении народа наш с ним разговор вызвал бы ненужные пересуды.

Бекки, которая никогда прежде не заботилась о нарядах, замучила горничную, выбирая платье. И только после того, как и я, и мадемуазель Пикард, заверили ее, что она выглядит восхитительно, спустилась к гостю.

Вернее, мы спустились вместе, но в присутствии слуг его высочество беседовал лишь с ней. С первого взгляда гость не произвел на меня сильного впечатления. Да, он был старше, чем на портрете, но он по-прежнему был невысок и довольно щупл. Его светлые волнистые волосы доходили до плеч и, как мне показалось, были тщательно уложены и напомажены.

Как только лакеи, принеся блюдо с фруктами и кувшин с лимонадом, удалились, Патрис стал вести себя более свободно, и сразу понравился мне чуть больше.

Бекки поблагодарила его за превосходный прием во дворце и попросила передать эту благодарность их величествам. Он заверил ее, что непременно сделает это. Мы поговорили о природе, о музыке, о театре – было не так много тем, которые подходили для разговора между малознакомыми людьми. Я с удовольствием завела бы разговор о книгах, но побоялась, что его высочество не разделит наши с Бекки литературные вкусы.

Когда принц откланялся, кузина потребовала, чтобы я признала, что он очень мил, и я охотно сделала это. С ним было приятно общаться.

Этот бальный сезон я провела затворницей, зато достигла куда больших успехов в изучении шелларского языка, чем постоянно выезжавшая Бекки. Официально еще не было объявлено о помолвке короля Шеллара и принцессы Агаларской, и частые визиты к нам принца Патриса многие в свете связывали с его чувствами к принцессе. Мне показалось, такие слухи весьма нравились кузине.

Большинство вельмож на период межсезонья, когда в столице воцарялась скука, выезжали в свои поместья, но мы по вполне понятной причине не могли поехать

в Агалар. И оттого особенно обрадовались, когда его величество пригласил нас в свою загородную резиденцию.

Там было так красиво, что захватывало дух, и я с удовольствием часами гуляла по ровным парковым аллеям, наслаждаясь пением птиц и свежим воздухом. Обычно компанию мне составляла Бекки, но часто – и сам принц Патрис. Весь мой опыт в общении с противоположным полом сводился к тому, что я почерпнула из книг, и потому я не взялась бы утверждать это уверенно, но мне казалось, что я нравлюсь его высочеству. Да, возможно, это объяснялось тем, что он уже считал себя связанным со мной определенными обещаниями, но данное его отцом слово отнюдь не обязывало его проявлять ко мне симпатию.

И его внимание заметила не только я. Матушка однажды сказала мне с улыбкой:

– Я рада, Элана, что между тобой и принцем Патрисом вспыхнули чувства – брак по любви куда приятней брака по расчету.

Не знаю, что дало ей основания говорить о каких-то чувствах с моей стороны. Да, мне льстило его внимание, и сердце наполнялось гордостью, когда я видела, каким восторгом вспыхивают его глаза при моем появлении. Возможно даже, что я немного была им увлечена, но я не была уверена, что это – именно то, что принято называть любовью.

И мне иногда бывало стыдно перед Бекки, которая как раз была влюблена по-настоящему.

Наши частые прогулки с принцем не остались незамеченными и мадемуазель Пикард и вызвали ее недовольство. Она даже осмелилась поговорить об этом с моим отцом, но, к вящему своему сожалению, не нашла у него поддержки.

Когда пришла зима, из Шеллара прибыл подарок – кованый сундук, наполненный мехами. В Алькании это стоило целое состояние, но Бекки ничуть не была обрадована. Этот подарок в очередной раз напомнил ей, в какую холодную страну ей предстояло отправиться после замужества.

О помолвке объявили в начале очередного бального сезона. Теперь в свете кузина вызывала еще больше интереса. Об этом браке не говорил только ленивый. Кто-то, помня о суровом нраве Венсана Пятого, жалел принцессу, кто-

то, думая не о женихе, а том богатстве, которое к нему прилагалось, завидовал ей.

Мы занялись приготовлениями к свадьбе, которая должна была состояться следующей зимой – гардероб замужней дамы сильно отличался от гардероба молодой девушки, и портнихи приступили к пошиву нарядов более спокойных тонов с меньшим количеством кружев и вышивки.

Теперь Бекки всё чаще и чаще выходила к завтраку с покрасневшими от слёз глазами. Я пыталась вызвать ее на откровенность, но она кротко отвечала, что помнит о своем долге и ничего не намерена менять.

Нас заранее известили, что его величество Венсан Пятый не приедет в Тьерсен на собственную свадьбу, и роль жениха на церемонии исполнит его доверенное лицо. Этот же господин сопроводит невесту в Шеллар.

Мне показалось, что эта новость чуть приободрила Ребекку – словно она боялась, что Венсан поведет себя дурно прямо во время обряда.

– Бекки, ты всё еще можешь отказаться, – сказала я ей за две недели до свадьбы.

Конечно, это создало бы нам кучу проблем, но я наивно верила, что папенька как-нибудь сумел бы их решить.

– Лана, ты с ума сошла? – Бекки вздрогнула. – Я дала слово, и я его сдержу.

10. Еще один подслушанный разговор

После окончания очередного бального сезона его величество неожиданно снова пригласил нас в свой загородный дворец. На сей раз он хотел получить возможность провести нравоучительные беседы с Бекки. Алькания не враждовала с Шелларом, но и дружбы между нашими странами не было. Теперь же, когда королевой Шеллара станет принцесса Агаларская, появилась возможность это изменить.

– Надеюсь, вы понимаете, моя дорогая мадемуазель, что в ваших силах будет убедить короля Венсана возобновить с Альканией дипломатические и торговые связи?

Мы с папенькой присутствовали при этом разговоре короля Астора с Ребеккой, и я видела, насколько тяжело было кузине мыслить столь высокими категориями. Она до сих пор еще не вполне поверила в то, что скоро станет королевой, и ее слово приобретет вес. Конечно, трудно было рассчитывать на то, что Венсан станет прислушиваться к мнению молодой супруги, но, как известно, капля камень точит.

– Если вы сумеете поставить себя должным образом, то обретете уважение и мужа, и своих подданых, – внушал ей его величество.

Бекки рассеянно кивала и обещала никогда не забывать об интересах родной страны.

Но когда мы с ней остались одни, она расплакалась.

– Ах, Лана, ты же понимаешь, что я не смогу настоять на своём? Кто я такая, чтобы давать советы королю Венсану? Да он и слушать меня не станет.

Но в этом я была с ней не согласна:

– Ты должна хотя бы попробовать! Разумеется, ты не должна спорить с ним – это может быть даже не безопасно. Но вы же будете общаться каждый день – обедать вместе, разговаривать, – чтобы не расстраивать кузину еще больше, я умолчала о том, что иногда вместе они будут проводить еще и ночи. – Ты же не станешь всё время молчать. И думаю, твой будущий муж понимает, как много значит для тебя твоя родина, и станет учитывать это, принимая решения.

Она шмыгала носом и, вроде бы, соглашалась, но я понимала – чем больше ответственности возлагает на нее Астор, тем больше пугает ее. Он же, совсем не зная характера Бекки, этого не понимал. И я посчитала нужным обсудить это с отцом.

– Тебе не кажется, папенька, что взваливать на плечи Ребекки заботы о благе Алькании – не совсем честно? Если сам его величество за столько лет правления не смог убедить короля Венсана заключить с нами тот союз, на который он надеется, то по силам ли это сделать неопытной девушке? А уж то, что он взял с Бекки слово, что она при любой возможности станет отправлять нам зашифрованные письма, и вовсе немыслимо! Неужели он не понимает, какому риску ее подвергает? Если его величество станет продолжать такие беседы, то, боюсь, Бекки не выдержит и вовсе откажется ехать в Шеллар.

Отец признал разумность моих опасений, но вмешиваться в это решительно отказался – он недолюбливал Астора и старался свести общение с ним к необходимому минимуму.

Но я не намерена была молчать, и когда Бекки, утомленная дневными разговорами и собственными переживаниями, рано заснула, я отправилась в апартаменты его величества. Я была намерена поговорить либо с самим королем, либо с принцем Патрисом, и убедить их оставить мою кузину в покое, предоставив ей возможность действовать так, как подскажут ей ее совесть и обстоятельства.

В загородной резиденции короля слуг было куда меньше, чем в его столичном дворце, и она надежно охранялась снаружи, а потому внутри обстановка была почти по-домашнему спокойной и непринужденной. Я поднялась на этаж, на котором располагалась королевская семья, но камердинер его величества сообщил мне, что король с сыном изволят гулять в парке.

Ну, что же, я даже порадовалась, что застану их вдвоем, а уж пройтись по парку в такой теплый вечер будет и вовсе приятно.

Парк был большой, и я не сразу поняла, в какую сторону мне следовало направиться. Но после нескольких минут блужданий я, наконец, услышала доносившиеся из беседки голоса.

Я не собиралась скрываться, но мягкая трава приглушила звук моих шагов. И потому я услышала их разговор прежде, чем они узнали о моем появлении. Я собиралась обозначить свое присутствие покашливанием, но не успела это сделать, потому что услышала свое имя.

Нет, они не обращались ко мне – они обо мне говорили. И разве после этого я смогла бы побороть свое любопытство?

– Союз с Терцией был бы крайне выгоден нам, – донесся до меня голос короля Астора. – Думаю, ты и сам прекрасно это понимаешь. Рассчитывать на то, что Шеллар вдруг сменит гнев на милость только потому, что его король женится на нашей принцессе, боюсь, не приходится. Если бы это был брак по любви, то еще можно было бы на что-то надеяться, но, думаю, Венсан не пошел бы на уступки даже ради любимой женщины. Но если нашей союзницей станет Терция, то Шеллару придется с нами считаться.

Терция была небольшой, но богатой страной на западе от Алькании. Оттуда к нам привозили оливковое масло и напитки из винограда.

Меня порадовало направление мыслей его величества. Конечно, дружба с Терцией – отличный вариант! И, может быть, увлекшись этим прожектом, Астор, наконец, отстанет от Ребекки. Но не успела я об этом подумать, как услышала то, что повергло меня в шок.

– Я согласен с вами, отец, но разве наши нынешние отношения с Терцией недостаточно надежны? Мы ведем взаимовыгодную торговлю, и…

Астор раздраженно перебил сына:

– Не делай вид, что ты не понимаешь, насколько брачный союз крепче торгового! Если ты женишься на дочери короля Терции, это сильно укрепит наши позиции в регионе.

Мне показалось, я ослышалась. Как Патрис может жениться на дочери короля Терции, если он уже помолвлен со мной? Да, помолвка пока неофициальная, но Астор лично дал слово, что наш брак состоится. И как только Ребекка уедет в Шеллар, а отец, выждав некоторое время, удочерит меня (ах, как глупо это звучит!), о помолвке объявят во всеуслышанье.

Патрис, кажется, подумал о том же самом, потому что сказал:

– Но как же принцесса Элана, папенька?

– А что принцесса Элана? – с еще большим раздражением откликнулся король. – Брак с ней не сулит нам никаких политических выгод. Мы даже не сможем раскрыть правду об этом браке – все будут думать, что ты женился на безродной девице, и станут нас осуждать. Да, наши подданые одобрили бы твой брак с Эланой, но вот союз с ее кузиной они сочтут мезальянсом. Боюсь, даже членам государственного совета мы не сможем признаться в том, кто такая Ребекка Бланшар на самом деле – это может оказаться слишком опасным. Если правду узнает король Венсан, он уничтожит Альканию. А он, поверь, отнюдь не дурак, и твой брак с той, которую все считают Ребеккой, покажется ему подозрительным. Он потребует ответа у своей жены, и эта дурочка, наверняка, во всем ему признается.

Да, то, что он говорил, было логичным, но разве не знали мы об этом с самого начала?

– Но ты же дал слово принцу Агаларскому! – воскликнул Патрис, и я мысленно его похвалила.

Не то, чтобы я очень хотела за него замуж, но я давно уже думала об этом браке как о деле почти решенном. К тому же, на него так рассчитывал папенька! Я представила себе, что почувствует отец, если узнает, что все наши жертвы были напрасными, и мне стало дурно.

– У меня тогда не было выбора! – огрызнулся Астор. – Принц из упрямства отказал бы королю Венсану, и что мне оставалось делать? Сидеть и ждать войны с Шелларом?

– Но если ты нарушишь свое слово, его высочество нарушит свое, и будет в своем праве. Брак Венсана и Ребекки не состоится, и мы вернемся к тому, с чего начали.

– Именно поэтому, Патрис, мы и будем держать язык за зубами до тех пор, пока кузина принцессы не уедет в Шеллар. А после этого его высочество уже не посмеет раскрыть правду. А если всё-таки сделает это, то не навредит никому, кроме самого себя и своей племянницы – мы всегда можем сказать, что ничего не знали о подмене девушек. Мы никогда не видели принцессы Эланы и потому приняли за нее ту, которую нам представили.

Мне захотелось ворваться в беседку и отвесить Астору пощечину. Он так ловко всё провернул, что единственный оказался в выигрыше. Он воспользовался тем, что отец мечтал, чтобы наш род снова стал править Альканией! Он пообещал ему то, что тот хотел услышать, хотя сам заранее знал, что не собирается это исполнять!

У меня по щекам текли слёзы, и это были слёзы бессилия.

– Но я люблю Элану! – услышала я взволнованный голос принца и несколько воспряла духом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ikonnikova_ol-ga/ya-tebe-ne-dostanus

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити